

В. Е. БЪЛИНСКИЙ

РУССКІЙ НАЦІОНАЛЬНЫЙ ФЛАГЪ

И

ЕГО РЕФОРМА.

Изъ «Журнала Министерства Юстиціи»
(Ноябрь 1910 г.).

Его Превосходительству
Височайшему
Юрію Владиміру
Арсентьеву —
врученъ въ присутствіи
аукціонера
суд.; 23/III-911.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1911.

РУССКІЙ НАЦІОНАЛЬНЫЙ ФЛАГЪ И ЕГО РЕФОРМА.

В. Е. Бѣлинскаго.

„Les lois héraldiques sont sanctionnées, y compris celles inventées par les héraldistes,—pourvu, qu'elles aient subi la consécration d'une pratique générale et séculaire“.

Godefroy de Crollanza.

Предварительныя разъясненія особыхъ терминовъ.

Приступая къ разсмотрѣнію вопроса о цвѣтахъ русскаго государственнаго національнаго флага, надо начать съ указанія нѣкоторыхъ общихъ правилъ геральдики, имѣющихъ въ данномъ случаѣ примѣненіе, и привести спеціальныя ея термины.

Въ геральдикѣ существуетъ только *четыре* основныхъ цвѣта, называемыхъ „финифтями“, *два* металла и *два* мѣха.

Финифти эти—червленъ, т. е. красный цвѣтъ, по французской, образцовой терминологіи—*gueules* (отъ древне-еврейскаго *gulud*), символъ крови, энергіи, силы, аллегорія войны и пр.; лазурь (*azur*)—символъ неба и воды, благородства, чистоты—въ болѣе спеціальному значеніи, символъ королевской власти; зелень (*sinople*)—аллегорія природы, и чернь (*sable*)—символъ земли (песокъ турнирной арены). Всѣ эти цвѣта или финифти не имѣютъ никакихъ оттѣнковъ или видоизмѣненій (тѣновъ), и, напр., всѣ красные цвѣта—алые, розовые, малиновые и т. п.,

какими бы красками ни изображалъ художникъ этотъ геральдическій цвѣтъ, — всегда остаются только червлеными. То же самое съ другими цвѣтами. Графически они изображаются: червленый — вертикальными, лазуревый — горизонтальными и зеленый — діагональными штрихами, а черный — сѣткой, получающейся отъ сочетанія вертикальныхъ и горизонтальныхъ штриховъ.

Всѣ пурпурные, стальные, фіолетовые цвѣта, одно время бывшіе въ употребленіи, — нынѣ отброшены. Есть еще натуральный цвѣтъ, которымъ изображаются геральдическія фигуры, т. е. настоящій цвѣтъ изображаемыхъ предметовъ, напр., натуральный человѣкъ, т. е. человѣческая фигура тѣлеснаго цвѣта, и т. п.

Желтаго (со всѣми его измѣненіями — оранжевымъ, золотистымъ и др.) и бѣлаго цвѣтовъ въ геральдикѣ вовсе нѣтъ, а они изображаютъ золото и серебро (or, argent). Другіе металлы, какъ сталь, желѣзо, — попадаютъ только въ видѣ самыхъ рѣдкихъ исключеній и неупотребительны. Золото графически изображается точками, серебро — пустымъ (бѣлымъ) пространствомъ.

Мѣха имѣютъ свое особенное изображеніе, но въ интересующемъ насъ предметѣ они роли не играютъ, а потому о нихъ не будемъ говорить.

Площадь, на которой помѣщаются геральдическія эмблемы (т. е. разныя изображенія предметовъ окружающей природы, обстановки и фантазіи по особому, разъ навсегда установленному рисунку) и фигуры геометрическихъ формъ, которая должна быть разцвѣчена финифтью, металломъ или мѣхомъ, называется полемъ вообще и щитомъ въ частности, если она относится къ гербу (т. е. ограничена линіями, изображающими рыцарскій гербовный щитъ той или другой формы; турнирные щиты съ ихъ изображеніями дали начало геральдикѣ, какъ паукъ о гербахъ). Поэтому при описаніи флага или герба обыкновенно начинаютъ со словъ: „въ лазуревомъ полѣ“ — или „въ золотомъ щитѣ“ и т. д.

Въ этомъ полѣ или щитѣ помѣщаемыя эмблемы и фигуры, тоже разныхъ финифтей и металловъ, должны размѣщаться симметрично — по извѣстнымъ правиламъ, при чемъ

одна эмблема помѣщается въ серединѣ поля или щита, двѣ— въ серединѣ рядомъ, три—2 наверху и 1 внизу; четыре— по угламъ щита, пять—съ прибавкой пятой въ середину, и т. д.

Если изображенія помѣщены въ горизонтальномъ положеніи (рядомъ), то о нихъ говорятъ „въ поясъ“ (en fasces), если они размѣщены вертикально (одна надъ другой), то положеніе ихъ будетъ „въ столбъ“ (en pal); діагональное положеніе называется „скошеннымъ“ (en barre, en bande).

Двѣ діагонали (крестообразное скошенное положеніе) называются „андреевскимъ или бургундскимъ“ крестомъ (sautoir), напр., „шесть червленыхъ ядеръ въ андреевскій крестъ“, въ отличіе отъ простого крестообразнаго положенія. Если предметы размѣщены по рисунку буквы Т ¹⁾, это будетъ „въ аптоніевскій крестъ“; щитъ или поле, раздѣленные прямой линіей пополамъ сверху внизъ, называются „разсѣченными“; раздѣленные горизонтально— „пересѣченными“; діагонально,— „скошенными“—вправо или влѣво, при чемъ правой стороною считается часть, приходящаяся противъ лѣваго глаза смотрящаго (parti, taillé).

Верхняя часть щита (верхняя $\frac{1}{3}$)—называется „главою“ (chef), нижняя—оконечностью (pointe); кромѣ того, существуютъ „углы“,— „вольная часть“ (franc quartier) и (cantons) „четверти“ и пр. Фигура, изображаемая двумя линіями, идущими параллельно въ горизонтальномъ направленіи поля или щита—образуетъ *поясъ* (того или другого цвѣта или металла).

Такія же *два* линіи въ вертикальномъ направленіи—образуютъ *столбъ*, такъ что на флагъ цвѣтныя полосы могутъ быть столбами или поясами; сочетаніе ихъ даетъ *кресты*, когда они встрѣчаются подъ прямымъ угломъ, и *андреевскіе или бургундскіе кресты*, когда пересѣченіе будетъ подъ острыми и тупыми углами (т. е. діагональное), когда они скошены.

Основное правило геральдики требуетъ, чтобы предметы (эмблемы и фигуры) были изображаемы финифтью, если они

¹⁾ Т—образная фигура—Tau, taf, bécquille de Saint-Antoine.

размѣщены въ металлическомъ полѣ (въ желтомъ или бѣломъ), и наоборотъ (on ne met point métal sur métal, ni émail sur émail), т. е. никогда не владутъ металла на металлъ, ни финифти на финифть; въ противномъ случаѣ, а они бываютъ часты, получится геральдическая „фальшь“ (armes fausses).

Второе правило: нельзя произвольно измѣнять рисунокъ и цвѣтъ (металлъ) эмблемы или геральдической фигуры (т. е. крестовъ, столбовъ, поясовъ, шевроновъ и др.); малѣйшее измѣненіе въ этомъ разѣ принятомъ направленіи считается нарушеніемъ и превращеніемъ въ новое. Сочетанія эмблемъ и фигуръ должны быть по возможности просты. Если одно изображеніе покрываетъ другое (наложено или насажено на него), то оно его „обременяетъ“ (chargé); если находится возлѣ другого, рядомъ, — „сопровождаетъ“ (suit); короны, мантии и пр. „украшаютъ“ (ornent) фигуру или щитъ, по бокамъ котораго орнаментация, въ формѣ листа сельдерея (feuille d'ache), называется „наметомъ“, принимающимъ всегда цвѣтъ поля щита и главной его фигуры (lambrequins—бывшія турнирные ленты рыцаря).

Кромѣ всѣхъ этихъ основныхъ правилъ и аксіомъ геральдики, послѣдняя придерживается еще своеобразной красоты рисунка, составляющаго предметъ особаго изученія этой почти у насъ забытой науки, возрождающейся однако за границей, особенно въ Германіи, гдѣ ею теперь занимаются съ особымъ рвеніемъ ученые и дилетанты (Императоръ Вильгельмъ II самъ хорошо знаетъ геральдику). Въ настоящее время она начинаетъ сильно распространяться, какъ важная отрасль историческихъ знаній и какъ совершенно законченная наука, изучаемая наравнѣ съ сигиллистикой, сфрагистикой (наука о древнихъ печатяхъ), генеалогіей, нумизматикой и пр. Всѣ вмѣстѣ, эти знанія составляютъ громадное подспорье для исторіи и археологіи вообще. Нельзя сказать, чтобы геральдика, какъ это было въ прежнія времена, интересовала у насъ общество. Напротивъ, ее почти совершенно у насъ забыли, неправильно и необоснованно считая знаніе ея спеціальностью привилегированныхъ классовъ. Съ паденіемъ дворянскихъ традицій, увлеченіе геральдикой вообще у насъ ис-

быть названо смѣло неудачнымъ, и вотъ по какимъ серьезнымъ основаніямъ.

Оно, во-первыхъ, далеко не самобытно, какимъ между тѣмъ должно быть всякое національное отличіе, а таковымъ прежде всего является національный флагъ.

Во-вторыхъ, оно не имѣетъ какихъ либо существенныхъ историческихъ основаній, исторической давности.

Въ-третьихъ, оно геральдически не эстетично—некрасиво неумѣлымъ своимъ построениемъ и рисункомъ. Затѣмъ—оно въ техническомъ значеніи „фальшиво“, какъ геральдическое составленіе и сочетаніе финифтей и металловъ поля и эмблемы (орла), и наконецъ—неправильно съ точки зрѣнія измѣненія основного традиціоннаго цвѣта древней нашей эмблемы—византійскаго орла.

Именно три означенныхъ цвѣта до Петра Великаго едва-ли гдѣ либо фигурировали въ нашемъ отечествѣ, какъ національные, а если, быть можетъ, гдѣ нибудь встрѣчались, то, какъ кажется, никогда не приобрѣли извѣстности и популярности.

Такого же распространенія сочетаніе названныхъ цвѣтовъ не приобрѣло и послѣ* Петра, вплоть до нашихъ временъ. (1883 г.), когда они признаны были официально государственными, но безъ обременяющаго двуглаваго желтаго (золотого) коронованнаго орла. Какъ бы то ни было, но, по объясненіямъ г. Бѣлавенца, столь шумѣвшій привезенный имъ флагъ является не болѣе, какъ морскимъ „штандартомъ“, который вполнѣдствіи даже, по волѣ самого же своего составителя, замѣненъ былъ другимъ флагомъ, по рисунку французскаго или голландскаго рисовальщика Алярда, еще менѣе похожимъ на національно-государственный, чѣмъ первый. Именно въ 1703 г., т. е. всего 200 лѣтъ до нашей эпохи, былъ созданъ современный морской военный флагъ „стандартъ во образѣ креста Святаго Андрея“, для „морского хода“ лишь „потребный“, но не претендующій вовсе на роль общегосударственнаго и національнаго, чего и самъ Петръ Великій не имѣлъ въ виду при его составленіи. То же самое можно сказать и о бѣло-сине-красномъ такомъ же морскомъ флагѣ 1700 г., предшествовавшемъ андреевскому.

Ни одинъ изъ этихъ флаговъ не имѣлъ признаковъ національнаго, какъ такового.

Приводимый же въ статьѣ г. Бѣлавенца историческій разсказъ о выборѣ бѣло-сине-красныхъ цвѣтовъ флага самимъ Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, и то въ концѣ XVII вѣка, чуть не наканунѣ петровской эпохи (въ 1676 г.),¹⁶⁰⁷ сравнительно новой въ нашей исторіи, не можетъ быть признанъ убѣдительнымъ ни для историка вообще, ни для геральдика въ частности. Еще менѣе убѣдительнымъ такой выборъ оказывается и потому, что, какъ видно, онъ былъ совершенъ подъ вліяніемъ и по почину иностранца-наемника, капитана Бутлера. Родъ Бутлеровъ англо-ирландскаго происхожденія (Butler). До XVII в. представители этой фамилии при разныхъ англійскихъ короляхъ занимали видныя мѣста въ государствѣ и даже пользовались графскимъ титуломъ, но въ первой половинѣ XVII вѣка, вѣроятно, подъ вліяніемъ религиозныхъ событій, а, можетъ быть, и по другой причинѣ—нѣкій полковникъ Яковъ Бутлеръ эмигрировалъ сперва въ Ливонію, а оттуда въ Польшу, принявъ польское подданство и по такъ называемому „индигенату“¹⁾ утвержденъ былъ въ древнемъ дворянствѣ вмѣстѣ съ гербомъ, внесеннымъ во всѣ польскіе древніе и новые гербовники—„въ червленомъ щитѣ золотая корзина съ натуральными цвѣтами“. Другіе представители того же рода поселились въ Германіи, гдѣ одинъ изъ нихъ, знаменитый полковникъ Бутлеръ, генералъ въ арміи Валленштейна, открылъ его измѣну, а другой при Фердинандѣ II получилъ графское достоинство. Современемъ Бутлеры совсѣмъ ополчились, переженились на дочеряхъ родовитыхъ магнатовъ и, породнившись съ ними, стали занимать видныя мѣста въ королевствѣ. Отъ нихъ осталось большое потомство, существующее и по сіе время. Вильгельмъ Бутлеръ въ 1680 году былъ представителемъ польскаго короля при разграниченіи земель (на границѣ) съ царемъ Московскимъ. Капитанъ Бутлеръ, о которомъ упоминаетъ въ своей статьѣ г. Бѣлавенецъ, несо-

¹⁾ Indygenat—см. у польскаго геральдика Несецкаго.

миѣнно, принадлежалъ къ этому польскому роду, на что указываетъ и годъ (1677) пребыванія его въ Московскомъ царствѣ. Цвѣта петровскаго стандарта, какъ оказывается, были выбраны царемъ по ходатайству этого капитана наемной службы единственнаго тогдашняго Дѣдинскаго нашего корабля, при чемъ отъ казны на нужды сего иностранца было отпущено столько-то аршинъ „киндяковъ“ и столько-то аршинъ „тафтъ“ червчатыхъ, бѣлыхъ и лазоревыхъ, къ корабельному дѣлу на знамена и на „яловчики“. Затѣмъ Петръ Великій послѣ перваго своего посѣщенія города Архангельска въ 1693 году пожаловалъ архангельскому архіепископу Аонасію свой „стругъ“, на которомъ онъ плавалъ на рѣкѣ Двинѣ, „со всѣю снастью корабельною“. Такимъ образомъ этотъ стандартъ развѣвался на рѣчномъ царскомъ „стругѣ“ и подаренъ затѣмъ на память, какъ никому ненужная больше, непригодная Петру Великому вещь, вмѣстѣ съ другими снастями, отслужившими свое и сданными въ архивъ.

Вотъ и все его историческое значеніе. . .

Но такимъ путемъ далеко еще не создается столь важное государственное отличіе, какимъ несомнѣнно считается, а особенно признавался въ тѣ времена,—національный флагъ. Скорая его послѣдующая отмѣна также говоритъ не въ пользу его усвоенія Петромъ Великимъ, очевидно далеко не проникшимся выборомъ царственнаго своего предмѣстника и отдавшимъ предпочтеніе Алярдовскимъ проектамъ и образцамъ.

Исторія умалчиваетъ при этомъ, чѣмъ собственно руководился при „выборѣ“ этихъ національных (?) цвѣтовъ самъ Московскій царь Алексѣй Михайловичъ, едва-ли вмѣстѣ съ тогдашними боярами и приближенными хорошо усвоившій правила современной геральдики, какъ западно-европейской науки, мало извѣстной въ Московской Руси ¹⁾, на что указы-

¹⁾ При этомъ царѣ настолько мало было распространено это знаніе, что Алексѣй Михайловичъ просилъ императора Леопольда I прислать ему ученаго по этой части. Императоръ исполнилъ просьбу царя и прислалъ въ Москву своего герольдмейстера Лаврентія Хурулевича, называемаго короче Куреличемъ, который въ 1673 г. собралъ русскіе тогдашніе гербы и отличія въ изданномъ на латинскомъ языкѣ сочиненіи „О родословіи Россійскихъ Великихъ Князей и Государей“ (Арх. Мин. Иностр. Д.).

ваеъ также, между прочимъ, и самый совѣтъ Бутлера царю, что необходимо выбрать національные цвѣта: „а цвѣтами, какъ Великій Государь укажетъ; но только на корабляхъ бываетъ котораго государства корабль, того государства бываетъ и знамя“, — во всякомъ случаѣ свидѣтельствующій о знаніи Бутлеромъ официальной геральдики. Такъ и осталось неизвѣстнымъ, кто собственно навелъ царя на мысль посылать Бутлеру именно червчатые (т. е. несомнѣнно „червленые“ или красные, а не иные) бѣлые и лазоревые (т. е. опять-таки синіе, а никакъ не „серафическіе“, какъ полагаютъ нѣкоторые) ¹⁾ киндяки и тафты, а не какіе либо другіе, т. е. *какія историческія или иныя соображенія—не случайнаго характера и выбора—имѣлись при этомъ въ виду?* Не помогъ ли во многомъ въ такомъ выборѣ, не имѣющемъ прецедентовъ въ Московскомъ царствѣ, самъ совѣтникъ панъ-Бутлеръ, и не походила ли въ свое время вся эта историческая затѣя на первый опытъ, на забаву, въ родѣ послѣдующихъ потѣшныхъ, хотя и ставшихъ въ послѣдствіи, подобно знаменитому „ботику“ Петра Великаго, изъ развлеченія первымъ кадромъ нашей регулярной силы?

Во всякомъ случаѣ едва-ли такой „потѣшный“ мореходный выпелъ могъ быть съ легкой совѣстью распространяемъ на всю націю въ видѣ народнаго его знамени.

Едва-ли это можно сдѣлать и въ наше время, не желая заведомо предпрѣшить вопросъ, далеко еще не выясненный.

II. Петровскія новшества по составленію флага.

Петръ Великій, любившій творить и вводить разныя новшества, сильно увлекаясь своей страстной натурой, могъ и въ области національныхъ отличій пожелать „обновить“ старый несимпатичный ему строй и дать создаваемой имъ новой Имперіи—новую эмблему, новые цвѣта и видъ, долженствующіе отнынѣ видимо и назидательно отличать (аллегорическимъ образомъ) новую эпоху отъ старой, совершенно имъ забрако-

¹⁾ Н. Энгельгардтъ „Расцвѣтка русскаго національнаго флага“, Нов. Вр. 1910 г. Іюнь.

ванной. Ошибка Петра Великаго, являясь слѣдствіемъ не совсѣмъ надлежащаго усвоенія имъ сущности геральдическихъ отличій вообще, состояла именно въ томъ, что онъ полагалъ возможнымъ и нужнымъ, одновременно съ административными и другими мѣрами и новшествами, однимъ ударомъ измѣнить и народные цвѣта и народный флагъ. Имъ не было надлежаще сознано, что, насколько первое естественно, практично и въ самомъ дѣлѣ оказалось великимъ въ смыслѣ преобразованій, настолько второе не соответствовало ни геральдическимъ традиціямъ народа, ни самому величію геніальнаго преобразователя. Дѣло въ томъ, что именно въ гербовныхъ отличіяхъ (а національный стягъ по своему значенію несомнѣнно является таковымъ для государства и народа), подобныя „новшества“, даже и съ идеей символизма и аллегоріи и намѣренной въ нихъ цѣлью, не должны быть наскоро примѣняемы, а древняя эмблема или цвѣтъ націи, подобно гербу древняго рода, должны быть всегда и неизмѣнно сохраняемы нетронутыми. Въ противномъ случаѣ самая эмблема теряетъ символическое и историческое свое значеніе, не приобретаетъ популярности въ народѣ и становится не болѣе, какъ оффиціальнымъ, казеннымъ штемпелемъ. Если же могутъ замѣтить, что Петръ Великій былъ принужденъ „создавать“ и въ этой области, за неимѣніемъ прецедентовъ, то во всякомъ случаѣ эту работу надо было произвести въ національномъ направленіи и въ исканіи древне-русскихъ образцовъ, а не въ послушномъ копированіи и усвоеніи моделей и проектовъ, взятыхъ безъ особаго разбора у перваго попавшагося иностраннаго рисовальщика. Обновленіе стараго герба, согласно временнымъ вкусамъ, составляетъ непростительный „ремонтъ“. Поэтому, не рискуя потерять свое значеніе въ международномъ мѣстничествѣ, государство не должно, безъ основанія, мѣнять старыя свои эмблемы на новыя, ни при какихъ, даже новыхъ обстоятельствахъ. Это было хорошо у насъ понято послѣ Петра Великаго, особенно при Николаѣ I, когда русская оффиціальная геральдика вышла на вѣрный путь и нашла настоящій выходъ изъ своего затрудненія, вернувшись къ древнимъ традиціямъ и образцамъ.

Рисунки новыхъ знаменъ составлялись особыми специалистами, иностранцами, и утверждались Сенатомъ.

Въ журналахъ и протоколахъ Правительствующаго Сената за октябрь мѣсяцъ 1738 г. (№ 240/2121, № 151) говорится, что до 1738 г. сочиненіемъ русскихъ гербовъ занимался въ Герольдмейстерской конторѣ герольдмейстерскій товарищъ, иноземецъ полковникъ Сантій; а потомъ повелѣно: „для сочиненія гербовъ представить иноземцевъ Иоганна-Кондрата Геннингера, о которомъ Академія наукъ представляетъ, что онъ въ герольдической наукѣ и въ знаніи чужестранныхъ языковъ и географіи и рисованію искусенъ, да бывшаго при Оренбургской экспедиціи ассессора Ягана Готфрида Гейнгельмана, который... къ сочиненію герольдики и чужестраннымъ языкамъ и географіи и прочимъ наукамъ искусенъ, и при Оренбургской экспедиціи употребленъ былъ къ учрежденію гербовъ новозаложеннымъ городамъ и на знамена“¹⁾.

Такимъ образомъ нужно, какъ кажется, признать, что означенные цвѣта царя Алексѣя Михайловича, а затѣмъ Петровскаго стандарта, составляли не болѣе, какъ случайную и временную инновацию и творчество геральдической, еще не устоявшейся фантазіи самого Петра или близкихъ ему людей, наконецъ, копію съ иностранныхъ образцовъ, безъ какого либо историческаго прошлаго или логическаго ихъ объясненія. То же самое можно отнести и къ петровскому „андреевскому флагу“, приобретающему лишь специально-корпоративное, традиціонное (для одного флота, созданнаго Петромъ Великимъ) значеніе, но также не могущаго имѣть общенациональнаго характера, какой онъ тѣмъ не менѣе долженъ имѣть, отмѣчая собою флотъ русскаго, а не иного государства. Очевидно, при этомъ было забыто Петромъ Великимъ компетентное указаніе Бутлера, приведенное выше,—о международномъ значеніи и видѣ кормового морского флага. Нельзя забывать также, что ордепъ св. Андрея Первозваннаго, положенный въ основу этого флага, самъ составлялъ совер-

¹⁾ Д. Самоквасовъ—Къ вопросу о государственныхъ цвѣтахъ древней Россіи, Моск. Вѣд. № 156. ✓

шенно новое ¹⁾ отличие, и поэтому, какъ гербовный знакъ, могъ утвердиться лишь современемъ. Въ такомъ смыслѣ онъ и понынѣ лишь „украшаетъ“ въ видѣ намета щитъ государственнаго нашего герба, но отнюдь не является какой либо составной частью щита или самостоятельной „почетной его фпгурой“.

Не одинъ Петръ, впрочемъ, допустилъ такую погрѣшность, если вообще незнаніе геральдическихъ правилъ и проявленіе аллегорической въ этой области фантазіи можно назвать этимъ именемъ. Сто лѣтъ спустя другой великій человекъ, удивившій міръ своей геніальностью и смѣлостью плановъ, задумавшій передѣлать на свой ладъ не только одно свое отечество, но весь міръ, впалъ въ ту же мелочную ошибку. Наполеонъ, задумавъ преобразовать французское дворянство по своему, выработалъ широкій и многосторонній планъ въ этомъ отношеніи и создалъ цѣлую новую, своеобразную геральдику. Не подлежитъ сомнѣнію, что все это вышло пошло и нелѣпо, плохо достигая цѣли (слишкомъ утилитарной и мало дворянской), возбуждая лишь насмѣшки современниковъ и не приобретаая никакой популярности или исторической устойчивости. И здѣсь наблюдалось то же самое, что въ упомянутыхъ выше нашихъ геральдическихъ новшествахъ, хотя и имѣло то предъ ними преимущество, что, какъ казалось, производилось согласно правиламъ науки и хорошо усвоеннымъ ея требованіямъ. Всѣ новоиспеченные графы и бароны наполеоновской имперіи вмѣстѣ съ своими фантастическими гербами, расписанными самимъ императоромъ, пожелавшимъ при этомъ превратить эти гербы въ какіе-то видимые и общепонятные служебные формуляры своихъ сподвижниковъ, на которыхъ ясно означены были ихъ положеніе и заслуги, не продержались долго, и вся эта непризнанная наполеоновская геральдика скоро исчезла вмѣстѣ съ паденіемъ своего автора.

Петръ Великій, въ пылкой страсти творить, спѣша, какъ бы затмить все прошлое и стереть всѣ слѣды, могущіе чѣмъ либо

¹⁾ Учрежденъ былъ лишь въ 1699 году.

о немъ ему напоминать, приступилъ къ дѣлу съ обычной своей энергіей, болѣе однако пригодной въ дѣлѣ государственныхъ реформъ, чѣмъ въ творествѣ геральдическихъ отличій. Недовольный первымъ своимъ „стандартомъ“, онъ обратился къ другимъ, тоже иностраннымъ образцамъ и сталъ производить опыты на подобіе установленія формъ одежды, столь для него успѣшныя, въ которыхъ пресловутая его дубинка сыграла не малую роль, заставивъ его подданныхъ разъ на всегда зарубить себѣ на носу неуклонную его волю. Стали аккуратно стричь бороды, бриться и носить вмѣсто русскихъ—нѣмецкіе кафтаны. . .

III. Петровскій стандартъ, привезенный изъ Архангельска.

Вотъ что рассказываетъ П. Бѣлавенецъ о происхожденіи привезеннаго имъ изъ Архангельска петровскаго стандарта и о всѣхъ послѣдующихъ его разновидностяхъ ¹⁾.

„Петръ I послѣ своего перваго посѣщенія города Архангельска въ 1693 г. пожаловалъ архангельскому архіепископу Аѳанасію свой стругъ, на которомъ онъ плавалъ на рѣкѣ Двинѣ, „со всѣю снастью корабельною“. Флагъ, поднимавшійся на этомъ стругѣ, былъ поставленъ въ каѳедральномъ соборѣ на высокомъ 9-аршинномъ древкѣ,—флагштокѣ“.

„Флагъ сдѣланъ изъ особой флажной матеріи („флагдуха“), изъ которой дѣлаются всѣ флаги и сейчасъ. Лѣтѣнище его, представляющее квадратъ по 6 аршинъ въ сторону, имѣетъ три горизонтальныхъ полосы: верхняя—бѣлая, средняя—синяя и нижняя—красная. Полосы равной ширины. На флагѣ вшитъ изъ той же матеріи, захватывая всѣ три полосы, желтый орелъ. У него на груди масляною краской нарисованъ красный щитъ съ изображеніемъ св. Георгія Побѣдоносца. Св. Георгій, бѣлый, на бѣломъ конѣ, колетъ золотымъ копьемъ зеленаго змія, поворотъ фигуры „церковный“, т. е. въ правую сторону щита“ (по геральдически—лѣвую).

¹⁾ П. Бѣлавенецъ—Флагъ царя Московскаго 1693 г., привезенный изъ г. Архангельска по Высочайшему повелѣнію въ Петербургъ,—газ. Новое Время 1910 г., отъ 29 мая № 12288, прилож.

„Полотнище флага во многих мѣстахъ заплата тоѣ же матеріей, и, повидимому, не разъ флагъ подвергался порчѣ, ибо кромка, прилегающая къ флагштоку, видимо была оторвана и пришта къ противоположной кромкѣ даже вверхъ ногами, а именно красной полосой вверхъ. Флагъ я засталъ прибитымъ шестью обойными гвоздями. Самъ флагштокъ, можетъ быть, современный флагу, былъ оклеенъ обойною бумагою подъ цвѣтъ свѣтлаго дуба, что, конечно, доказываетъ заботу о немъ въ послѣдующіе годы. Повидимому, флагъ этотъ былъ первымъ стандартомъ (въ нынѣшнемъ значеніи этого слова), который когда-либо поднималъ русскій самодержецъ на суднѣ. Сочетаніе цвѣтовъ этого штандарта сохранилось и посейчасъ въ нашемъ національномъ флагѣ и является не случайнымъ, а выбраннымъ еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Царь повелѣлъ подъ Москвою, въ селѣ Дѣдиновѣ, строить „воинскій морской корабль“,—первый русскій корабль, построенный у насъ для военныхъ цѣлей. Командиромъ его былъ капитанъ Бутлеръ. Въ своей требовательной вѣдомости, подаваемой и теперь на судахъ, онъ указываетъ всѣ тѣ предметы, которые необходимо отпустить на строящійся корабль. Въ тѣ времена флаги назывались „морскимъ знаменемъ, для воинскаго хода потребнымъ“, а выпела—„яловчиками“. Бутлеръ пишетъ, что ему нужно на изготовленіе „большого знамени, что живетъ на кормѣ“ (по нынѣшнему—кормовой флагъ), столько-то аршинъ матеріи; „на узкое, долгое знамя, что живетъ на среднемъ большомъ деревѣ“ (т. е. по нынѣшнему—на выпель),—столько-то, и „на знамя, что живетъ на переднемъ лежачемъ деревѣ“ (по нынѣшнему на гюйсъ),—столько-то аршинъ... А цвѣтами, какъ великій государь укажетъ; но только на корабляхъ бываетъ, котораго государства корабль, того государства бываетъ и знамя“. Итакъ, командиръ перваго русскаго военнаго корабля указываетъ, что необходимо выбрать государственные цвѣта, подчеркивая при этомъ, что цвѣта эти должны быть не чужіе, а свои.

Въ Московскомъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ я нашелъ и отвѣтъ на это требованіе. „Царь указалъ отпу-

стить: 310 аршинъ киндяковъ, да 150 аршинъ тафтъ червчатыхъ, бѣлыхъ и лазоревыхъ къ корабельному дѣлу на знамена и на яловчики“, т. е. государственными цвѣтами призналъ красный, бѣлый и синій. Эти цвѣта сохранились до нашихъ дней, какъ цвѣта нашего національнаго флага. Выбраны они были въ 1667 году и съ тѣхъ поръ никогда не были отмѣнены.

Петръ I обыкновенно предоставлялъ почетное мѣсто своимъ сподвижникамъ, поэтому трудно указать, когда онъ подымалъ флагъ царя московскаго, какъ царь. Во всякомъ случаѣ, подобный архангельскому, „флагъ Царя Московскаго“ попадался въ изображеніяхъ того времени съ небольшими разнообразіями. Особенно должно быть отмѣчено изображеніе флага въ книгѣ Алярда, изданной въ Голландіи въ 1705 г., такъ какъ эта книга была тогда же въ переводѣ представлена государю, и государь издалъ ее на русскомъ языкѣ въ 1709 году. Книгу корректировалъ самъ царь, а потому немыслимо допустить въ ней ошибки въ изображеніи русскаго флага. Московскихъ флаговъ помѣщено тамъ три. Первый подобенъ хранившемуся въ Архангельскѣ: онъ съ золотымъ орломъ, на груди орла—бѣлый щитъ. Св. Георгій изображенъ повернутымъ по церковному. Побѣдоносецъ колеть змія. Подобный этому штандартъ сохранился и до сихъ поръ въ Морскомъ музеѣ. Онъ былъ поднятъ на кораблѣ „Ингерманландъ“, когда царь командовалъ соединеннымъ русско-англо-голландско-датскимъ флотомъ въ Балтійскомъ морѣ. Это было единственный разъ за все царствованіе Петра Великаго, что онъ былъ на кораблѣ, какъ Россійскій Императоръ.

„Еще ранѣ желтаго штандарта въ арміи были введены офицерскіе шарфы изъ бѣло-сине-краснаго цвѣтовъ, какъ цвѣтовъ, выбранныхъ отцомъ государя для флага Московскаго государства.

„Они были отмѣнены фельдмаршаломъ принцемъ Антономъ Брауншвейгскимъ, а Высочайшимъ указомъ 17 декабря 1742 г. окончательно были установлены шарфы черно-желтые, по цвѣту герба Россійской Имперіи, и тѣмъ нарушено древнее русское государственное сочетаніе бѣло-сине-краснаго цвѣтовъ“.

Такъ говорить г. Бѣлавенецъ.

Однако, хотя здѣсь и признается авторитетнымъ рисунокъ Алярда потому только, что книга, изъ которой онъ былъ взятъ, изданная въ Голландіи въ 1705 году, была переведена на русскій языкъ и издана въ 1709 году, при чемъ корректировалъ ее самъ Петръ Великій, „а потому немислимо (?) допустить въ ней ошибки въ изображеніи русскаго флага“, но такой доводъ безосновочности, странный самъ по себѣ, могъ бы имѣть значеніе лишь въ случаѣ признанія авторитетности въ этомъ отношеніи самого молодого преобразователя, несмотря на всю его геніальность, едва-ли допустимую. Намъ же кажется именно наоборотъ,—корректурѣ Великаго Преобразователя Россіи ввела въ эти изображенія нежелательный въ геральдикѣ субъективизмъ, о которомъ сказано было выше, и придала изображаемымъ въ книгѣ флагамъ все, что угодно, только не исторически-національно-русское въ геральдическомъ отношеніи, т. е. въ смыслѣ совершенной самобытности. Относительно правильности конструкціи можно сказать то же самое, что мы и постараемся выяснитъ ниже; здѣсь же нельзя только не упомянуть, что лазуревая финифть перваго флага и „бѣлый“ щитокъ на груди орла второго, съ изображеніемъ Св. Георгія Побѣдоносца, не имѣютъ никакихъ ни геральдическихъ, ни логическихъ, ни иныхъ оснований, такъ какъ лазуревая финифть, насколько это извѣстно, рѣдко встрѣчалась въ древне-русскихъ геральдическихъ отличіяхъ, а щитъ герба московскаго (нынѣ обременяющій грудь русскаго двуглаваго орла на государственномъ гербѣ) всегда былъ червленымъ, подобно щитамъ большей части древне-русскихъ гербовъ, получившимъ свое начало еще со временъ языческихъ (рюрикскихъ) княжеской эпохи. О червленыхъ щитахъ военныхъ нашихъ людей и дружины мы имѣемъ ясное указаніе въ извѣстномъ „Словѣ о Полку Игоревѣ“, гдѣ говорится именно о такихъ, а не иныхъ щитахъ. Поэтому превращеніе щита герба московскаго изъ червленнаго въ серебряный—составляетъ двойную неправильность: 1) историческую, какъ произвольное измѣненіе установленнаго вѣковымъ усвоеніемъ цвѣта, и 2) геральдическую, какъ

„ложную“ ¹⁾, такъ какъ при этомъ серебряный рыцарь и конь (т. е. металлъ) должны очутиться въ такомъ же серебряномъ (металлическомъ) щитѣ. Такимъ образомъ, говорить о „нарушеніи древне-русскаго государственнаго сочетанія бѣло-синяго-краснаго цвѣтовъ“ (при отмѣнѣ фельдмаршаломъ принцемъ Антономъ Брауншвейгскимъ и Высочайшимъ указомъ 17 декабря 1742 года, устанавливающимъ для арміи черно-желтые, по цвѣту герба Россійской Имперіи, офицерскіе шарфы этихъ цвѣтовъ), какъ кажется, серьезно не приходится.

Вообще всѣ усилія непремѣнно выдвинуть бѣло-синяго-красные „петровскіе“ цвѣта на позицію древне-русско-національных составляютъ совершенно безплодную работу, на успѣхъ которой во всякомъ случаѣ не должно и не можетъ вліять одно лишь „перевезеніе“ археологическаго предмета въ столицу, приравниваемое, между тѣмъ, къ какому-то важному историческому событію, подобно перевезенію мощей святыхъ угодниковъ, получающему иногда историческую санкцію.

IV. Другія отрицательныя качества Архангельскаго трехцвѣтнаго стандарта и ему подобныхъ.

Сочетаніе трехъ цвѣтовъ, бѣлаго, синяго и краснаго, въ горизонтальномъ положеніи (въ поясѣ—en fasces), съ обременяющимъ желтымъ двуглавымъ орломъ, некрасиво, не эстетично по своей геральдической сложности, пестротѣ и нагроможденности финифтей, металловъ, сѣченій и эмблемъ, такъ какъ геральдическая красота въ техническомъ значеніи достигается обратнымъ образомъ, именно простотой сочетанія цвѣтовъ и эмблемъ и самаго рисунка.

При этомъ требуется также ясность и выразительность изображенія, достигаемая тѣмъ, что свѣтлыя части вырисовываются на темныхъ фонахъ, и наоборотъ. А такая крупная выразительная эмблема, какъ двуглавый нашъ орелъ, должна, казалось бы, находиться на фонѣ, способномъ рѣзко ее вы-

¹⁾ Enquerre, fausseté.

дѣлать, такъ, чтобы она бросалась въ глаза издали, на далекомъ разстояніи. Такой фонъ поэтому для нашего орла долженъ быть одноцвѣтнымъ, а не многоцвѣтнымъ, какъ это прекрасно достигнуто на Императорскомъ штандартѣ (въ золотомъ полѣ черный двуглавый орелъ). При этомъ, такъ какъ самая эмблема (т. е. орелъ) финифтяная (въ оригиналѣ, т. е. черная), она непременно должна находиться въ металлическомъ полѣ. Если же, наоборотъ, эмблема изображена металломъ (т. е. золотомъ или серебромъ, если она, другими словами, желтого или бѣлаго цвѣта), она должна помѣщаться въ финифтяномъ полѣ или щитѣ. Вотъ почему также приведенный изъ Архангельска флагъ, поскольку онъ вообще имѣетъ дѣйствительное отношеніе къ государственному знамени или стандарту петровской эпохи вообще, является, кромѣ того, неправильнымъ или, какъ говорятъ технически, — „ложнымъ“ (согласно французской, образцовой во всѣхъ отношеніяхъ и общепринятой терминологіи — *armes à enquerre*, *armes — fausses*), въ геральдическомъ смыслѣ.

Именно здѣсь, помимо уже всего вышесказаннаго, не соблюдено (а нарушено) основное правило геральдики, согласно коему никогда не слѣдуетъ накладывать металлъ на металлъ и финифть на финифть. Между тѣмъ, здѣсь, очевидно, золотыя орлиныя головы должны очутиться въ серебряной „главѣ“ (*chef*), т. е. на бѣлой части флага, что и сбразуетъ сказанную геральдическую „фальшь“ ¹⁾.

Кромѣ того, тутъ допущена еще одна несообразность, указывающая на странное, во всякомъ случаѣ, игнорированіе общихъ правилъ, и даже болѣе — историческихъ традицій: измѣнена самая финифть главной нашей исторической, древнерусской эмблемы — двуглавого орла. А именно: изъ черной, какой она должна быть по сохранившимся еще со временъ Софіи Палеологъ и Іоанна III образцамъ, она превращена въ золотую. Такое превращеніе для гербовой эмблемы вообще недопустимо, такъ какъ измѣняетъ въ корнѣ ея существо, значеніе и видъ, создавая изъ нея совершенно отличную отъ

¹⁾ Исключеніе составляютъ клювъ и лапы орла.

первой эмблему и знакъ, въ данномъ случаѣ эмблему, ничего общаго не имѣющую съ древнимъ Византійскимъ орломъ, усвоеннымъ царями московскими ¹⁾).

Этотъ орелъ, какъ извѣстно, составлялъ нѣкогда римскую эмблему послѣ раздѣленія имперіи на половины западную и восточную (откуда двѣ головы) и въ Россіи составилъ аллегорическій знакъ восточной православной державы, въ отличіе отъ западныхъ папскихъ традицій. Византійскій этотъ двуглавый орелъ непременно долженъ быть изображенъ чернью (sable), т. е. чернымъ, съ червлеными глазами и языками и золотыми клювами и лапами со щиткомъ московскаго герба на груди ²⁾).

Изображаемый же золотомъ, нашъ двуглавый орелъ теряетъ національныя свои примѣты и становится совершенно новой, неизвѣстной нашей геральдикѣ, эмблемой, какъ бы вновь дарованной преобразователемъ; это уже не византійскій, а петровский орелъ, не усвоенный, однако, въ послѣдствіи ни самимъ Петромъ Великимъ, ни царственными его преемниками. Вѣроятно же всего, это есть неточность, о значеніи которой самъ составитель даже не подозрѣвалъ. Возможно, однако, что онъ обратилъ и на это гениальное свое вниманіе, благодаря чему, можетъ быть, флагъ и былъ сданъ въ архивъ архангельскому архіепископу.

Такимъ образомъ, является не лишенное правдоподобія историческое предположеніе, что этотъ орелъ былъ лишь случайнымъ символомъ, не имѣющимъ какого либо болѣе серьезнаго значенія.

V. Цвѣта національнаго флага.

Національный флагъ, по своимъ геральдическимъ особенностямъ, не только какъ своего рода украшеніе, но и какъ первоклассное народно-государственное отличіе,—стоитъ на

¹⁾ Ставшимъ послѣ того „россійскимъ орломъ“ (Aigle de Russie).

²⁾ П. Ф о и зъ-В и н к л е ръ—Гербы Россійской Имперіи Спб., 1899, стр. 27; у такого же австрійскаго герба въ правой лапѣ двѣ регаліи, на груди щитокъ съ гербомъ габсбургскимъ.

ряду съ такъ называемымъ „наметомъ“, окружающимъ щитъ герба, и мантией (*ravillions et manteaux*), въ смыслѣ опредѣленія своего цвѣта. Эти мантии и наметы (нѣкогда окружавшіе щитъ рыцаря, выставлемый до турнира предъ его палаткой) принимаютъ всегда цвѣтъ или металлъ, однородный съ цвѣтомъ или металломъ щита, его эмблемъ и фигуръ. (Перворазрядными фигурами, *figures héraldiques de premier ordre*, называются геометрическія изображенія, кресты всѣхъ видовъ, пояса, столбы, главы, шевроны, оконечности и проч.). При этомъ за общее правило принимается, что финифть или металлъ щита всегда входитъ въ „наметъ“ (*lambrequins*). Такимъ образомъ, если разсуждать послѣдовательно и правильно, надо сообразовать цвѣтъ нашего народнаго флага съ финифтью и металломъ русскаго государственнаго герба. Примѣры такой системы мы видимъ и въ иностранныхъ государственныхъ флагахъ. Такъ, въ Австріи бывшіе народные цвѣта—черно-желтые—были въ свое время приняты во флагъ, сообразно съ металломъ государственнаго герба (золотомъ) и финифтью двуглаваго австрійскаго орла (*Aigle d'Autriche*). Точно такъ же цвѣта Германской имперіи—черно-бѣло-красные, т. е. соединенные цвѣта Пруссіи (черный и бѣлый) съ общегерманскимъ имперскимъ (краснымъ), указываютъ на ту же традицію. Цвѣта Пруссіи взяты изъ герба древне-прусскаго щита, чернаго съ серебромъ (Гогенцоллерновъ), обременяющаго грудь чернаго прускаго одноглаваго орла. То же самое можно сказать и о другихъ иностранныхъ флагахъ, напр., о бельгійскихъ цвѣтахъ—черно-желто-красныхъ, составляющихъ финифть и металлъ бельгійскаго государственнаго герба (золотой левъ въ черномъ щитѣ) ¹⁾.

Бываютъ, конечно, и исключенія, но лишь, когда національные цвѣта почему либо издревле усвоены инымъ путемъ,—безъ послѣдующихъ измѣненій. Такъ, родовой цвѣтъ Бурбонскаго королевскаго дома и королевской Франціи былъ бѣлый (серебро), несмотря на то, что гербовою эмблемою этого дома

¹⁾ De sable au lion d'or, lampassé de gueules.

были „золотыя лиліи въ лазуревомъ щитѣ“, т. е., казалось бы, желтый и голубой (три лиліи).

Что касается проектируемой реформы русскихъ національныхъ цвѣтовъ и, повидимому, самаго рисунка государственнаго флага, то она должна состоять въ умѣлой провѣркѣ допущенныхъ за 200 лѣтъ измѣненій, въ установленіи неизблемыхъ геральдическихъ основаній—русскаго происхожденія, въ возвратѣ къ самобытному русскому историческому прошлому, объединенному въ одномъ общемъ образѣ, и въ устраненіи изъ него всего наноснаго и случайнаго, а потому ненужнаго и лишняго, какъ равно и всего субъективнаго, явившагося плодомъ личной фантазіи составителей.

Разбирая ближе этотъ вопросъ, слѣдуетъ прійти къ несомнѣнному выводу, что русскій національный цвѣтъ долженъ быть тождественъ съ цвѣтомъ государственнаго герба и Императорскаго штандарта, усвоившими черную финифть и золотой металл¹⁾, и что цвѣта бѣло-сине-красные не имѣютъ ничего или весьма мало общаго съ ними, какъ внесенные къ намъ съ Запада, а потому, какъ новые, чужды старой Россіи, отъ которой, однако, происходитъ Россійская Имперія.

Принять въ нашъ флагъ эти новые цвѣта петровской эпохи съ андреевскимъ флагомъ включительно, какъ государственно-національные, значило бы отказаться отъ предыдущей исторической связи современной Россіи съ до-петровской, московской эпохой, имѣющей въ свою очередь связь съ княжескимъ періодомъ нашего отечества.

А такъ какъ главной московской эмблемой всегда былъ византійскій черный орелъ въ золотомъ щитѣ, не замѣненный пока иной государственной эмблемой и щитомъ, то слѣдуетъ прійти къ заключенію, что наша государственная геральдика далеко не думаетъ отказываться отъ старыхъ московскихъ и рюриковскихъ (московскій гербъ, похожій на литовскую эмблему—„погонь“—рогою, вооруженный всадникъ, поражающій змія, вообще всадникъ въ вооруженіи, скачущій

¹⁾ П. фонъ-Винклеръ—Гербы Россійской Имперіи, стр. 30.

на конѣ, встрѣчаемый въ гербахъ князей Рюриковичей,— весьма древняго, вѣрнѣе всего, еще языческаго происхожденія) традицій и усвоенныхъ ими геральдическихъ мотивовъ, и потому не приняла ново-имперскихъ (петровскихъ) эмблемъ, т. е. золотого или иного двуглаваго орла въ трехцвѣтномъ бѣло-сине-красномъ щитѣ (полѣ).

Такимъ образомъ, не можетъ подлежать сомнѣнiю, что настоящiе русскiе финифти и металлы (т. е. цвѣта въ общеупотребительномъ выраженiи) тѣ, которые должны входить въ изображенiе русскаго государственнаго національнаго флага, должны быть тождественны съ металломъ щита, финифтью двуглаваго византийскаго орла и съ металломъ главной московской эмблемы—св. Георгiя Побѣдоносца, т. е. должны быть черно-желто-бѣлыми, какими они были въ царствованiе Императора Николая I.

Однако, и этимъ еще не можетъ быть окончательно рѣшенъ вопросъ о самомъ рисункѣ русскаго государственнаго національнаго флага, который, кромѣ геральдической правильности, долженъ еще отличаться исторической и самобытной своеобразностью.

Русскiй государственный національный флагъ можетъ быть и одноцвѣтнымъ, подобно Императорскому штандарту, лучше всего выражающему пока національную нашу государственную идею. Поэтому, какъ кажется, его слѣдовало бы у насъ рѣшительно принять за образецъ, такъ какъ онъ соединяетъ въ себѣ всѣ лучшiя качества національно-русскаго флага: великолѣпный ясный и отчетливый рисунокъ, сохраненiе древне-русскихъ традицій, цвѣтовъ и эмблемъ государственнаго русскаго герба, громадную популярность не только у насъ, но и за границей, классическую, чисто рыцарскую красоту и безукоризненную геральдическую правильность сочетанiя металла, финифти и серединной эмблемы, наконецъ, благородную простоту. Такой флагъ способенъ электризовать русскiя народныя массы, такъ какъ въ немъ наиболѣе рельефнымъ образомъ выражается національная идея православно-восточной Имперiи и единенiе царя съ русскимъ

народомъ, коего военный кличъ есть: „За Вѣру, Царя и Отечество!“

VI. Характерность національнаго флага, какъ важное условіе его популярности.

Обращаясь къ внѣшнему виду нашего національнаго флага, въ какомъ онъ былъ утвержденъ въ 1883 г., нельзя не прійти къ заключенію, что онъ далеко не характеренъ и не оригиналенъ. Такое же сочетаніе трехъ цвѣтовъ: бѣлаго, синяго и краснаго, мы находимъ и на другихъ національныхъ флагахъ, такъ что на далекомъ разстояніи ихъ весьма легко, особенно для неопытнаго глаза и человѣка, не ознакомленнаго хорошо съ международными отличіями, принять за русскій, и наоборотъ. (Такъ, напримѣръ, французскій флагъ, сине-бѣло-красный, свѣшиваясь при безвѣтріи на флагштокъ, сильно походитъ на русскій). Вообще это составляетъ большой недостатокъ нашего флага, и едва-ли найдется у насъ средній интеллигентный человѣкъ,—не говоря уже о простомъ народѣ,—который безошибочно сумѣлъ бы описать свой національный флагъ и не началъ бы его съ червленой финифти, т. е. краснаго цвѣта, вмѣсто серебра (бѣлаго цвѣта). Рѣдкій скажетъ при этомъ, что русскіе цвѣта,—это бѣлый, синій и красный, а не наоборотъ, или не въ иномъ порядкѣ. Между тѣмъ, иностранцы твердо знаютъ и помнятъ цвѣта и эмблемы своихъ флаговъ, въ чемъ имъ помогаетъ главнымъ образомъ историческая оригинальность и самая характерность всѣхъ или большей части этихъ флаговъ, легко поэтому запоминаемыхъ. Всюду обращено серьезное вниманіе на то, чтобы дѣти, уже со школьной скамьи, заучивали эти отличія и твердо знали ихъ историческое объясненіе, умѣя быстро отличать свои національные цвѣта отъ цвѣтовъ другихъ націй ¹⁾).

Французъ, глядя на свой трехцвѣтный, красиво подобранный флагъ, переносится мыслью къ славнымъ для фран-

¹⁾ „Русскій національный флагъ“,—газета „Россія“ № 1400, 1910 года (наша статья).

цускаго варода временамъ наполеоновской блестящей эпопеи.

Швейцарець знаетъ, что его красный флагъ съ бѣлымъ укороченнымъ крестомъ посерединѣ составляетъ памятную эмблему великаго историческаго событія въ его отечествѣ, принятую за символъ единенія швейцарцевъ всѣхъ кантоновъ.

Нѣмецъ ясно читаетъ на современномъ, новомъ, какъ и сама современная Германская имперія, флагъ исторію возвышенія Пруссіи (верхніе черно-бѣлые цвѣта) и возрожденія Германіи (красный цвѣтъ) подъ ея гегемоніей.

У насъ въ Россіи, гдѣ государство сложилось и продолжаетъ стоять на древнихъ, выработанныхъ вѣками православно-монархическихъ традиціяхъ,—самая идея эта должна быть увѣковѣчена и ярко выражена въ государственномъ, національномъ флагѣ. Честь и гордость могущественной Россіи требуютъ этого. Необходимо помнить, что народный флагъ съ его дорогими каждому цвѣтами и эмблемами, по нравственному вліянію его на людей, идетъ рядомъ съ впечатлѣніями, вызываемыми въ массахъ исполненіемъ народнаго гимна, патріотическіе звуки котораго такъ волнуютъ сердце каждаго патріота.

Заодно необходимо коснуться и вопроса о другихъ російскихъ флагахъ,—хотя и не государственно-національных въ такомъ значеніи, но, тѣмъ не менѣе, русскихъ, и потому въ общемъ своемъ значеніи имѣющихъ съ государственно-національнымъ большую связь, составляя лишь „разновидность“ одного общенаціональнаго русскаго государственнаго флага. Въ настоящее время, за отсутствіемъ одной общей объединяющей ихъ геральдической мысли, таковой долженъ бы быть черный двуглавый орелъ въ соответственномъ рисункѣ. Слѣдовало бы въ данномъ случаѣ придерживаться извѣстнаго однообразія, что не мѣшало бы каждому изъ нихъ имѣть свои угловыя (въ правой верхней четверти) отличія—въ видѣ специальныхъ эмблемъ и финифтей. Лучшій образецъ въ этомъ отношеніи представляютъ германскіе государственные флаги.

Общепринято, что торговый флагъ по своему построенію

и цвѣтамъ совпадаетъ съ общенациональнымъ, такъ что, въ отличіе отъ военныхъ флаговъ, его можно бы назвать гражданскимъ. Въ Германіи существуютъ нѣсколько главныхъ разновидностей одного государственнаго-національнаго флага, именно—военный, таможенный, почтовый, морской и торговый (онъ же національный). Во всѣхъ этихъ флагахъ усвоенъ одинъ общій геральдическій мотивъ, состоящій изъ трехъ горизонтальныхъ цвѣтовъ—черно-бѣло-красныхъ, помѣщаемыхъ лишь здѣсь и тамъ въ разныхъ частяхъ флага. Какъ и должно полагать, предпочтеніе отдано обще-народному (онъ же торговый) мотиву, представляющему сказанные цвѣта безъ добавленій другихъ отличій и эмблемъ. Въ остальныхъ же флагахъ они помѣщены лишь въ правой верхней четверти (cantons), при чемъ на первый планъ выдвинута военная эмблема, черный съ бѣлой каймой „укороченный“ крестъ, такъ называемый „Желѣзный“, учрежденный въ память побѣдоносной франко-прусской войны 1871 года (Eisernes Kreuz), являющійся символомъ воссоединенія Германіи подъ гегемоніей Пруссіи.

На всѣхъ флагахъ, кромѣ торговаго (національнаго), фигурируетъ этотъ „Желѣзный“ крестъ. Флагъ бѣлый, раздѣляемый „удлиненнымъ“ чернымъ съ бѣлыми каймами (окаймленный черно-бѣлой полоской) прусскимъ крестомъ, т. е. узкой формы, обремененнымъ посерединѣ круглымъ щитомъ съ чернымъ прусскимъ одноглавымъ орломъ, на четыре четверти, изъ которыхъ, въ военномъ флагѣ—правая верхняя составляетъ вышеописанную національную трехцвѣтную черно-бѣло-красную часть, съ обременяющимъ ея поле „укороченнымъ“ и „уширеннымъ“ чернымъ съ бѣлою каймою „Желѣзнымъ крестомъ“. Во флагѣ таможенномъ, кромѣ того, заполнена и первая нижняя (въ геральдикѣ называемая третьей) четверть—таможенными знаками; въ почтовомъ также въ той же нижней четверти помѣщены двѣ черныя скрещенныя трубы въ желтомъ полѣ; въ морскомъ (навигационномъ) флагѣ, въ такомъ же полѣ находятся два скрещенныхъ лазуревыхъ якоря. Такимъ образомъ, на всѣхъ этихъ флагахъ сохранена одна общая идея, во образѣ трехъ на-

ціональныхъ цвѣтовъ, и всѣ они являются вслѣдствіе этого лишь легко различаемыми ея разновидностями.

При реформѣ нашего національнаго государственнаго флага слѣдовало бы держаться той же логической системы одного общаго геральдическаго дѣленія и вида, принявъ за основу всѣхъ мотивовъ и эмблемъ—чернаго двуглаваго російскаго орла въ желтомъ полѣ.

VII. Двуглавый російскій орелъ и его примѣненіе на флагѣ.

Все время мы говоримъ и говорили о черномъ двуглавомъ византійскомъ орлѣ въ желтомъ полѣ, какъ объ основной нашей государственной эмблемѣ. Слѣдуетъ добавить, что и въ ея рисункѣ происходили, по мѣрѣ того, какъ шло время, различныя перемѣны.

Эмблема эта древне-римскаго происхожденія. Извѣстно, что государственнымъ и военнымъ символомъ (гербовъ въ настоящемъ значеніи тогда не было, а начало ихъ относится къ среднимъ вѣкамъ—рыцарской эпохѣ) Рима былъ одnogлавый орелъ, сидящій на вѣнкѣ, подъ вѣнкомъ дощечка съ начальными буквами S. P. Q. R. (Senatus Populusque Romanus). Съ раздѣленіемъ имперіи въ 395 г. по Р. X. на двѣ половины, Византія усвоила чернаго двуглаваго орла съ коронами на обѣихъ головахъ (римскій орелъ былъ безъ короны) на золотомъ фонѣ или въ золотомъ щитѣ. Гербъ этотъ перешелъ къ московскимъ царямъ съ пріѣздомъ Софіи Палеологъ, привезшей съ собою въ Москву изъ Константинополя тронъ, на спинкѣ котораго былъ вышитъ этотъ орелъ. Крылья его, какъ и у римскаго орла, были опущены внизъ ¹⁾.

Однообразная форма герба царей и великихъ князей московскихъ и государства русскаго установилась послѣ брака перваго русскаго самодержца и царя Іоанна III съ поименованной греческой царевной Софіей Ѳоминичной Палеологъ, послѣдней изъ Византійскаго Императорскаго рода.

Много вѣковъ Царьградъ былъ опорой, столпомъ и славнымъ выразителемъ идей православнаго христіанства. Но вотъ, въ

¹⁾ Русскій національный флагъ, „Россія“ 1910, № 1401 (наша статья).

неравной продолжительной борьбѣ съ турками, Константинополь палъ въ 1453 году. Рыцарски палъ, защищая родину и христіанство при осадѣ Царьграда, послѣдній греческій *Императоръ* Константинъ XII Палеологъ.

Послѣднимъ потомкомъ этого стариннаго Императорскаго рода Константина XII была дочь брата его Θомы, царевна Зоя, а по русскимъ лѣтописямъ Софія, которая пріѣхала въ Москву и вышла замужъ за царя и великаго князя всея Руси Іоанна III. Отъ этого брака она имѣла сына Василя, наслѣдовавшаго послѣ отца царство русское и права „Базилевсовъ“ Палеологовъ. Мудрый Іоаннъ III нашелъ, что бракъ его съ царевной Софіей получилъ значеніе передачи наслѣдственныхъ правъ императоровъ византійскихъ русскому царскому роду и вмѣстѣ съ нимъ престижа Византіи юной Россіи.

Іоаннъ III усвоилъ византійскій гербъ на правахъ преемника угасшей византійской династіи. Въ лицѣ царевны Софіи Палеологъ перенесъ древній императорскій родъ Греціи на русскій престолъ и сливъ его съ царями русскими, Іоаннъ III мудро принялъ символическій гербъ Византійской имперіи, какъ видимый внѣшній знакъ новыхъ правовыхъ отношеній Руси къ Греціи и Константинополю. Идея сліянія историческихъ задачъ павшей Восточной Имперіи съ задачами Всея Россіи проявлена символически въ государственномъ гербѣ. Женившись на Софіи Палеологъ, Іоаннъ III принялъ за „знамя“ гербъ царевны, который впервые, по сохранившимся историческимъ документамъ, появился на изображеніи печати, привѣщенной къ мѣнковой грамотѣ великаго князя Іоанна III Васильевича съ племянниками его князьями Полоцкими. Писана грамота „на Москвѣ лѣта седмъ тысячъ пятаго“, т. е. въ 1497 году отъ Р. Х. іюля мѣсяца. На одной изъ сторонъ печати находится изображеніе двуглаваго орла съ *спущенными* (распластанными) крыльями и съ короной на каждой головѣ.

На печати Ивана IV, приложенной къ акту I Лжедмитрія отъ 5-го ноября 1605 года, находится такой же византійскій орелъ, у котораго на груди щитокъ съ гербомъ мо-

сковскимъ — Св. Георгіемъ Побѣдоносцемъ, поражающимъ змѣя ¹⁾).

До Михаила Теодоровича между двумя коронами, украшавшими головы орла, помѣщался православный крестъ; третья корона введена вмѣсто него въ 1625 году.

Въ актѣ Московскаго царя Алексѣя Михайловича отъ 1667 г., озаглавленномъ „Обнародованіе вступленія въ совершеннолѣтіе Царевича Алексѣя Алексѣевича и о бывшихъ по случаю сему церемоній (Полное Собр. Зак. т. I—1649—1675, изд. 1830 г., стр. 737 № 7176, 1667, описаніе печати Россійскаго Государства; № 415—отд. 1 сентября 1667 года) описывается государственный гербъ, т. е. двуглавый орелъ, при чемъ сказано, что у него на правой сторонѣ „три грады суть“, на лѣвой сторонѣ ниже три грады—Восточныхъ; Западныхъ и Сѣверныхъ; „подъ орломъ—какъ отчича и дѣдича“ (т. е. гербы); на пресѣкѣ—изображеніе наслѣдника, въ пазногтѣхъ ²⁾ скипетръ и яблоко.

Со временъ царя Алексѣя Михайловича оффиціально на груди двуглаваго орла стали помѣщать щитокъ съ гербомъ московскимъ, съ регаліями въ лапахъ и тремя коронами, составляющими символъ Св. Троицы, и эмблемы трехъ царствъ, вошедшихъ въ составъ Московскаго царства,—Казанскаго, Астраханскаго и Сибирскаго.

Съ теченіемъ времени положеніе крыльевъ двуглаваго орла и даже его цвѣтъ измѣнились, и уже на архангельскомъ стандартѣ 1693 года орелъ этотъ изображенъ золотымъ съ поднятыми вверхъ крыльями.

Съ 1669 года, т. е. со времени учрежденія ордена св. Андрея Первозваннаго, орелъ окруженъ цѣпью этого ордена, на подобіе иностранныхъ образцовъ.

Въ 1800 году Императоръ Павелъ I прибавилъ подъ щиткомъ герба московскаго Мальтійскій крестъ (послѣ избранія Императора Павла I гротмейстеромъ ордена).

¹⁾ Н. П. Петровъ—Исторія родовъ русскаго дворянства, Спб., 1885 г., с. I, стр. 165 и слѣд.

²⁾ Отъ польскаго *raznogięcie*—когти; w *raznogiach*—въ когтяхъ.

Однако это украшеніе не удержалось и послѣ смерти Павла I было отмѣнено.

Въ 1825 году въ изображеніе орла вкралась чужеземная фантазія и геральдическая неправильность: именно на выписанной изъ Франціи для Императорскаго Двора серебряной посудѣ двуглавый орелъ былъ изображенъ съ распущенными крыльями (*éployée*), съ перевитыми (андреевскими) лентами, громовыми стрѣлами и факеломъ въ одной, и съ вѣнкомъ въ другой лапѣ; на груди московскій щитокъ съ изображеніемъ св. Георгія Побѣдоносца „влѣво“ (по геральдически, т. е. обращеннаго къ правой части щита) ¹⁾.

Въ 1830 году при Николаѣ I вернулись къ прежнимъ образцамъ, и крыльямъ приданъ былъ видъ распущенныхъ, концами внизъ; на нихъ впервые размѣщены щиты гербовъ областей и царствъ.

Съ рисункомъ этого герба сходна государственная хоругвь. Она на золотомъ полѣ; посерединѣ вышеописанный орелъ, между головами котораго, нѣсколько выше, помѣщена третья корона (императорская русская)—съ регаліями въ золотыхъ когтяхъ (у австрійскаго такого же двуглаваго орла бывшей Священно-Римской Имперіи—въ правой лапѣ двѣ регаліи, на груди габсбургскій гербъ), по рамкѣ, въ лаврахъ и пальмахъ, шесть щитовъ—по три съ cadaго бока, съ гербами земель и царствъ, входящихъ въ составъ Россійской Имперіи, и седьмой внизу посерединѣ, съ собственнымъ родовымъ гербомъ Государя Императора.

До половины шестидесятыхъ годовъ св. Георгій былъ обращенъ „влѣво“ (правой стороной считается въ геральдикѣ сторона, приходящаяся противъ лѣваго нашего глаза) щита, что составляло, однако, ошибку, почему съ тѣхъ поръ онъ былъ обращенъ „вправо“ щита (т. е. по геральдически), согласно требованіямъ геральдики.

Послѣдній образецъ государственнаго нашего герба утвержденъ 2 ноября 1882 года, вмѣстѣ съ особой сѣнью и варяжскимъ шлемомъ Св. Александра Невскаго.

¹⁾ П. фонъ-Винклеръ—Гербы Россійской Имперіи Спб., 1899 г., стр. 30.

При Николаѣ I національными установлены цвѣта герба и щита, т. е. черно-желто-бѣлые, которые въ 1883 году замѣнены бѣло-сине-красными.

Интересно отмѣтить при этомъ слѣдующее обстоятельство. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, при въѣздѣ въ Варшаву Императора Александра II, весь городъ украсился національными флагами двухъ видовъ—черно-желто-бѣлыми, русскими, и трехцвѣтными—бѣло-сине-красными, почему-то считавшимися польскими, вывѣшенными только изъ оконъ жителей-поляковъ, тогда какъ первые были вывѣшены одними русскими жителями города (это былъ первый въѣздъ Императора послѣ мятежа 1863 г.).

VIII. Проекты реформъ національнаго флага.

Если могутъ возразить, что и эти николаевскіе (черный, желтый и бѣлый) цвѣта весьма походятъ на вышеописанные черно-желтые австрійскіе цвѣта, то нынѣ это неудобство совершенно отпадаетъ, такъ какъ, съ образованіемъ Австро-Венгерской имперіи, существенно былъ измѣненъ и самый рисунокъ этого флага и его цвѣта. Именно, теперешніе австро-венгерскіе національные флаги (т. е. военный и національно-торговый) не имѣютъ въ себѣ ни чернаго, ни желтаго цвѣтовъ. Первый составляетъ флагъ красно-бѣло-красный, при чемъ посрединѣ въ бѣлой (серебряной) полосѣ помѣщенъ габсбургскій (австрійскій) гербъ на щитѣ; второй составленъ съ тою разницею, что нижняя полоса разсѣчена пополамъ, и вторая половина ея имѣетъ зеленый, т. е. венгерскій цвѣтъ. На срединной (бѣлой) полосѣ, рядомъ съ австрійскимъ государственнымъ, помѣщенъ щитъ съ гербомъ венгерскимъ. Какъ видно изъ этихъ описаній, въ австро-венгерскомъ національномъ флагѣ нѣтъ ничего похожаго на русскіе цвѣта, усвоенные въ николаевскую эпоху. Изъ того же описанія видно, что въ національные флаги на западѣ принято включать изображенія государственныхъ гербовъ. Сама идея такого включенія флага весьма рациональна и красива и находитъ себѣ полное подтвержденіе во всемъ нами высказанномъ въ пользу усвоенія

древне - народныхъ эмблемъ и элементовъ во флагѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что государственный гербъ, созданный въ каждомъ государствѣ исторически и усвоенный вѣками, составляетъ самый драгоцѣнный народный „клейнодъ“ (гербовное отличіе) каждой націи. Эмблемы монарха—ея верховнаго вождя—почетно украшаютъ флагъ государства, съ которымъ вмѣстѣ съ тѣмъ усваивается, какъ было упомянуто выше, самая идея единенія съ нимъ народа, выражая символически приверженность его къ царствующему дому.

Нынѣ, при официальномъ выясненіи вопроса о государственномъ національномъ русскомъ цвѣтѣ (въ особомъ по сему предмету совѣщаніи), естественно должна наступить реформа въ этомъ отношеніи.

Какъ кажется и какъ вытекаетъ изъ приведенныхъ здѣсь соображеній, реформа должна быть произведена въ смыслѣ возвращенія къ забытому древне-русскому прошлому, почему слѣдовало бы остановиться на одноцвѣтномъ типѣ флага, съ одной срединной гербовой эмблемой. Принявъ за образецъ Императорскій штандартъ, національными, единными для остальныхъ государственныхъ флаговъ всѣхъ вѣдомствъ и учрежденій явятся—желтый, черный и бѣлый, а самый рисунокъ флага выразится въ видѣ желтаго поля съ чернымъ, „уменьшенной“ формы (т. е. меньше Императорскаго на $\frac{1}{3}$) двуглавымъ коронованнымъ (тремя коронами) російскимъ орломъ (со считомъ московскимъ и проч.) посерединѣ, при чемъ отдѣльными флагамъ, военному, морскому, таможенному, карантинному, желѣзнодорожному, почтово-телеграфному и инымъ, если таковые понадобятся, будутъ прибавлены соотвѣтственные геральдическіе углы (или „вольныя“ части, franc quartier).

Переходя къ болѣе спеціальному выясненію геральдическаго рисунка русскаго національнаго флага, руководствуясь вышеприведенными аргументами, нельзя не прійти къ заключенію, что національный флагъ можетъ быть не только трехцвѣтнымъ, какъ это было до сихъ поръ, но также двуцвѣтнымъ и даже *одноцвѣтнымъ*, но при непремѣнномъ условіи отличія его отъ другихъ чисто народной эмблемой, т. е. російскимъ орломъ. ? ?

IX. Военный флаг и флаги других ведомствъ.

Что касается другихъ специальныхъ (разновѣдомственныхъ) флаговъ, то первое мѣсто среди нихъ обыкновенно занимаетъ военный или военно-морской флагъ.

Какъ выражено было уже нами, настоящій нашъ военно-морской флагъ—лазуревый андреевскій (или, что все равно, скошенный или, наконецъ, бургундскій крестъ)—мало отвѣчаетъ своему назначенію, какъ національный флагъ, долженствующій отличать русскія военныя суда отъ судовъ другихъ державъ. Сказано было, что кормовые флаги (и это зналъ еще первый капитанъ нашего флота Бутлеръ) должны непременно быть національными. Мы видѣли, что слѣдуетъ считать подъ этимъ понятіемъ, и потому, если теперешній бѣло-сине-красный трехцвѣтный нашъ флагъ не имѣетъ никакихъ признаковъ національных, то тѣмъ болѣе это можно сказать объ андреевскомъ нашемъ флагѣ, несмотря на то даже, что онъ составляетъ символическое воспоминаніе о Петрѣ Великомъ, создателѣ русской морской силы. Между тѣмъ, сила эта не есть какая нибудь особая, кастовая, защищающая интересы лишь какого либо одного сословія или одной какой нибудь части русскаго государства, а существуетъ для поддержки интересовъ, престижа и мощи „всѣя Россіи“. Слѣдовательно, флагъ этотъ долженъ быть, какъ и торговый—національный, непременно обще-національнымъ и государственнымъ, а не только „флотскимъ“, морскимъ въ узкомъ смыслѣ слова, въ томъ смыслѣ, въ какомъ на дѣлѣ онъ существуетъ теперь. Этого достаточно, чтобы прійти къ мысли о необходимости реформы и этого традиціонно-корпоративнаго нашего флага, какъ кажется, по одному лишь недоразумѣнію фигурирующаго въ качествѣ военно-національнаго...

Такимъ образомъ и здѣсь главный элементъ его долженъ составить російскій двухглавый, черный орелъ на желтомъ фонѣ, а андреевскій знакъ (флагъ) можетъ при немъ занять лишь второстепенное на томъ же полѣ мѣсто, опредѣленное вышеотмѣченнымъ правымъ угломъ (*canton dextre*).

Съ другой стороны, если придерживаться западной системы, слѣдовало бы установить одинъ общій военный (т. е. какъ для сухопутныхъ, такъ и морскихъ силъ, крѣпостей, зданій и пр.) флагъ, при чемъ скошенный лазуревый (подобно черному удлиненному въ германскомъ флагѣ) представилъ бы прекрасную комбинацію для серединнаго, его обременяющаго (*brochant sur le tout*) щита.

При этомъ необходимо лишь сохранить неотъемлемость отъ государственнаго російскаго орла желтаго (золотога) фона или поля (щита), на которомъ онъ всегда долженъ находиться, обращая вниманіе на то, чтобы, вопреки часто практикуемой у насъ неправильности въ этомъ отношеніи, онъ случайно не очутился на какомъ-либо иномъ, чуждомъ ему фонѣ. Такъ, напр., если-бы онъ обременилъ лазуревый скошенный (андреевскій) крестъ на морскомъ флагѣ, отъ этого проистекли бы двѣ геральдическія неправильности: 1) черная финифть орла отчасти легла бы на лазури креста, образовавъ фальшь (*enquegne*), нуждающуюся въ историческомъ ея объясненіи, котораго бы на дѣлѣ не оказалось, и 2) верхнія и нижнія части орла (т. е. головы и хвостъ) очутились бы на бѣломъ полѣ флага. Поэтому, какъ кажется, серединное обремененіе креста эмблемой возможно только въ шитѣ (въ картушѣ).

Что касается другихъ флаговъ разныхъ вѣдомствъ, то у насъ еще имѣются флаги таможенный и Министерства Путей Сообщенія. Послѣдній—бѣлый съ скрещенными лазуревыми сѣкирой и якоремъ, помѣщаемыми въ лѣвой, нижней (четвертой) четверти поля, съ тремя національными бѣло-сине-красными цвѣтами въ верхнемъ правомъ углу. Вся перемѣна въ немъ состояла бы тогда лишь въ измѣненіи этого угла, сообразно съ измѣненіемъ національнаго цвѣта и рисунка (т. е. помѣщеніемъ, вмѣсто нихъ, желтаго поля съ чернымъ государственнымъ орломъ).

Въ виду однородности функцій почтово-телеграфнаго вѣдомства, участвующаго въ сообщеніи и передачѣ бумагъ изъ одного мѣста въ другое, и здѣсь флагъ вѣдомства не долженъ особенно отличаться отъ предыдущаго, а можетъ имѣть

лишь въ такомъ же (бѣломъ) полѣ свои особыя эмблемы,—срѣщенные (двѣ) черныя трубы и молнію.

Въ такомъ же родѣ могутъ быть составлены и всѣ остальные разновѣдомственные флаги—карантинный, таможенный и др.

Х. Неправильности изображеній національных отличій.

Остается еще сказать два слова о допускаемыхъ у насъ на каждомъ шагѣ неправильныхъ изображеніяхъ какъ національных нашихъ цвѣтовъ, такъ и самаго герба.

Дѣло въ томъ, что такія нарушенія мы видимъ всюду—въ большинствѣ случаевъ въ публичныхъ мѣстахъ, главнымъ образомъ на всякаго рода вывѣскахъ поставщиковъ, изображеніяхъ, фрескахъ, дипломахъ, мебели ¹⁾ и пр.

Такъ, напр., приходилось видѣть золотого двуглаваго орла въ червленомъ щитѣ на мастерскомъ свидѣтельствѣ (дамскаго портного), чернаго орла съ какимъ-то лазуревымъ щитомъ на груди — на вывѣскѣ; другого—бѣлаго съ быкомъ на груди; на вывѣскѣ фирмы (табачной) на Невскомъ проспектѣ тоже бѣлый двуглавый орелъ съ червленымъ щитомъ. Попадались также золотые орлы съ лазуревыми лентами, бѣлые орлы на красномъ полѣ, черные орлы на бѣломъ полѣ (сплошь и рядомъ). При этомъ Св. Георгій Побѣдоносецъ получаетъ совершенно несвойственный ему видъ: то онъ золотой, то серебряный, то червленый, а драконъ подъ нимъ, вмѣсто золотого съ зелеными крыльями, принимаетъ фантастическіе формы, образы и цвѣта.

Въ заключеніе нельзя не отмѣтить появившейся въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ отъ 8 и 9 іюля 1910 г. (№№ 155, 156) пространной статьи извѣстнаго русскаго историка и

¹⁾ Даже въ правительственныхъ мѣстахъ; напр., орелъ на креслѣ зала Перваго Общаго Собранія Прав. Сената (выходящаго окнами на площадь) вышитъ (на спинкѣ) золотомъ по красному фону (бархату), т. е. въ червленомъ щитѣ золотой орелъ (de gueules à l'aigle éployée d'or, вмѣсто—d'or à l'aigle éployée de sable). Кресло старинное, кажется, еще конца XVIII в.; но шитье и матерія на немъ начала XIX в.

археолога, начальника Московскаго архива Министерства Юстиціи професора Д. Я. Самоквасова.

Статья озаглавлена „Къ вопросу о государственныхъ цвѣтахъ древней Россіи“ и заключаетъ въ себѣ богатый матеріалъ, извлеченный почтеннымъ ученымъ (изъ ввѣреннаго его авторитетному попеченію архива) вплоть до 1800 г., съ какового года онъ отказывается слѣдить за измѣненіемъ нашихъ государственныхъ цвѣтовъ, въ виду отсутствія въ архивѣ какихъ либо объ этомъ данныхъ. Предлагая интересующимся этимъ вопросомъ ознакомиться съ указанной статьей въ подлинникъ и ссылаясь на сдѣланныя нами по ея поводу замѣчанія въ повременной нашей печати („Свѣтъ“ отъ 16 іюля 1910 года № 184—ст. Русскій національный флагъ), мы для полноты желаемъ лишь повторить уже высказанное нами по тому же предмету вкратцѣ. Именно, восходя въ своихъ ученыхъ изысканіяхъ до рюриковскихъ, а затѣмъ монгольскихъ временъ, проф. Самоквасовъ приводитъ подробности о печатяхъ монгольскихъ государей, о гербовыхъ украшеніяхъ, рисункахъ разныхъ оффиціальныхъ сочинителей знаменъ и гербовъ, о полковыхъ знаменахъ и, въ результатѣ, не приходитъ ни къ какому положительному заключенію о нашемъ государственномъ и національномъ цвѣтѣ. Всѣ цвѣта и оттѣнки, вопреки правиламъ геральдики, не признающей ни алаго, ни розоваго, ни синяго, фіолетоваго и другихъ цвѣтовъ,—приводятся, между тѣмъ, почтеннымъ професоромъ, какъ государственные, регальные и полковые. Цѣлая радуга ихъ начинается отъ алаго, краснаго, розоваго, лазуреваго, синяго, пурпуроваго, чернаго, зеленаго, „золотого“ (вм. металла), бѣлаго (вм. серебрянаго) и оканчивается совсѣмъ неизвѣстными—таусиннымъ, темнымъ, сахарнымъ, брусничнымъ и вишневымъ. . . Этого слишкомъ ужъ много, чтобы изъ нихъ составить національный флагъ; выборъ великъ, но трудень. . .
